

1917-й
годъ.

1—21 Сентября.

51-й
годъ издавія

Пермскія Епархіальныя Вѣдомости

Цѣна годовому
изданію съ до-
ставк. и перес.
В О С Е М Ь
рублей.

№№ 26—27.

Подписка при-
нимается въ
редакціи Епар-
хіальныхъ Вѣд.
при Братствѣ
св. Стевана.

О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й .

Перемѣны по службѣ.

Опредѣлены, согласно избранію прихожанъ: заштатный псаломщикъ **Николай Пономаревъ** и. д. псаломщика къ церкви села Левина, Оханскаго уѣзда, съ 24 августа; штатный діаконъ Чусовской Ксеньевской церкви, Пермскаго уѣзда, **Михаилъ Чулошниковъ** на 4-ю вакансію священника къ означенной церкви 5-го Сентября; состоящій на должности псаломщика при церкви села Грызань, Осинскаго уѣзда, діаконъ **Михаилъ Мугинъ** на должность діакона къ Ворхъ-Суксунской церкви, Красноуфимскаго уѣзда, съ 5-го сентября; діаконъ-псаломщикъ Чусовской Ксеньевской церкви, Пермскаго уѣзда, **Николай Поздинъ** на штатную діаконскую вакансію къ той же церкви съ 16 Сентября; священникъ-діаконъ Ножевской церкви, Оханскаго уѣзда, **Иосифъ Овченковъ** на священническое мѣсто къ Николаевской церкви села Сайгатки, Осинскаго уѣзда съ 17 сентября; діаконъ-псаломщикъ Сайгатской церкви, Осин. уѣзда, **Петръ Голубцовъ** на должность штатнаго діакона къ Ножевской церк. Оханскаго у. съ 17 Сентября, діаконъ Срѣтенской церкви села Отчино-Срѣтенскаго, Пермскаго у., **Аванасій Бивилевъ** на священническое мѣсто 2 штата церкви села Срѣтенскаго, Пермскаго у., съ 18 сентября.

Перемѣщены: діаконъ псаломщикъ Слудской церкви, Пермскаго уѣзда, **Никифоръ Брагинъ** на должность псаломщика къ Висимской церкви Пермскаго уѣзда, съ 31 августа; вр. исп. об. псаломщика церкви села Бакража, Красноуфимскаго уѣзда, **Филиппъ Орловъ** къ церкви села Верхъ-Тясинскаго, Красноуфимскаго уѣзда, съ 29 августа; штатный діаконъ заводо-Шермеитской церкви, Осинскаго уѣзда, **Стефанъ Мѣхоношинъ** къ Сивинской церкви, Оханскаго уѣзда, съ 1 сентября; священникъ церкви села Шагирта, Осинскаго уѣзда, **Александръ Коуровъ** къ Свято-Николаевской

церкви (единовѣрческой) завода Ножовки, Оханскаго уѣзда, съ 1 сентября; псаломщикъ Асовской церкви, Кунгурскаго уѣзда, **Елисей Вердышевъ** къ Серебрянской церкви, Кунгурскаго уѣзда, съ 5 сентября; священникъ на діакономъ штатѣ приписной, прихода села Кольчуга, Больше-Долдинской церкви, Чердынскаго уѣзда, **Николай Тугулевъ** къ Прокопіевской церкви села Кузнечихи, Осинскаго уѣзда, на священническое мѣсто съ 8 сентября, діаконь-псаломщикъ Сыринской церкви, Красноуфимскаго уѣзда, **Михаилъ Подосеновъ** на штатную діаконую вакансію въ той же церкви, съ 17 сентября.

Временно допущены до псаломщическихъ обязанностей къ церкви села Богомягкова, Оханскаго уѣзда, заштатный псаломщикъ Вятской епархіи **Павель Тихоновъ** съ 30 августа, **Іоаннъ Брюшковъ** къ церкви села Успенскаго, Пермскаго уѣзда, съ 5 сентября, **Николай Третьяковъ** къ Сыринской церкви, Красноуфимскаго уѣзда, съ 17 сентября.

Освобождены отъ должности: вр. исп. об. псаломщика Висимской церкви, Пермскаго уѣзда, **Аркадій Луванинъ** съ 31 августа; вр. исп. об. псаломщика церкви села Левина, Оханскаго уѣзда, **Николай Бонюховъ** съ 24 августа; псаломщикъ церкви села Усть-Кишерти, Кунгурскаго уѣзда, **Сергій Пепеляевъ**, согласно прошенія, съ 16 сентября; псаломщикъ единовѣрческой церкви села Дубровы, Осинскаго уѣзда, **Александръ Еловиковъ** согласно прошенія съ 17 сентября.

Исключены изъ списковъ за смертію: псаломщикъ церкви завода Кизель, Соликамскаго уѣзда, **Веніаминъ Денисовъ** съ 30 августа; священникъ Очерской единовѣрческой церкви, Оханскаго уѣзда, **Алексій Лѣсниковъ** съ 2 сентября; священникъ церкви села Срѣтенскаго, Пермскаго уѣзда, **Николай Старцевъ** съ 29 августа.

Почислены за штатъ: священникъ Свяго-Троицкой церкви завода Юго Камскаго, Пермскаго уѣзда, **Михаилъ Оглоблинъ**, согласно прошенію, съ 5 сентября; священникъ Якшинской церкви, Чердынскаго уѣзда, **Сергій Чесноковъ**, согласно прошенію, съ 16 сентября; псаломщикъ Майкорской Богоявленской церкви, Соликамскаго уѣзда, **Александръ Шаровъ**, согласно прошенію, съ 16 сентября; священникъ Урминской, Кунгурскаго уѣзда, **Спиридонъ Выковъ**, согласно прошенію, съ 16 сентября; діаконь церкви села Верети, Соликамскаго уѣзда, **Флегонтъ Корневъ** согласно прошенію, съ 17 сентября.

Вакантныя мѣста.

Протоіерейское—при Чердынскомъ соборѣ.

Священническія при церквахъ: Сыринской, Красноуфимскаго у., Кунгурской Успенской, Верхъ-Иньвенской, Соликамскаго у., Буткѣвской, Красноуфимскаго у., Паныльской Пермскаго у., церкви Геосиманской женс-

оители, Оханскаго у., Тиминской, Соликамскаго у., Цидвинской, Чердынскаго у., церкви Обвинскаго женскаго монастыря, Соликамскаго у., Верхъ-Нердвинской (Шитевской), Соликамскаго у., Сокольской, Красноуфимскаго у., Грановской дачъ, Обвинскаго женскаго монастыря, Соликамскаго у., Обвинской (Верхъ-Язвенской), Соликамскаго у., Семинчинской приписной къ зав. Артинской ц., Красноуфимскаго у., Ошибской, Соликамскаго у., Шагиртской, Осинскаго у., Юго-Камской, Пермскаго у., Очерской, Оханскаго у., Якшинской, Чердынскаго у., Урминской, Кунгурскаго у.

Діаконскія при церквахъ: Урминской единовѣрч., Кунгурскаго у., Чигиробской, Чердынскаго у., Лимежской, Чердынскаго у., Серебрянской, Кунгурскаго у., Вознесенской единовѣрч. Оханскаго у., Ивановской, Соликамскаго у., Губахинской, Соликамскаго у., Верхне-Сергивской, Красноуфимск. у., Гайнской, Чердынскаго у. (быль священникъ), Усольской, Соликамскаго у. (б. свящ.), Верхъ-Нердвинской, Соликамскаго у. (б. свящ.), Крюковской, Осинскаго у., Вознесенской, Оханскаго у., Троельжанской, Кунгурскаго у., Шерментской, Осинскаго у., Пянтежской, Чердынскаго у., Курашимской, Пермскаго у., Кольчужской, Пермскаго у., Веретійской, Соликамскаго у., Отчино-Срѣтенской, Пермскаго у.

Псаломщическія при церквахъ: Нязе-Петровской единовѣрч., Красноуфимскаго у., Тулпанской, Чердынскаго у., Стефановской единовѣрч., Осинскаго у., Ворцевской, Чердынскаго у., Морчанской, Чердынскаго у., Сылвинской единовѣрч., Красноуфимскаго у., Чажеговской, Чердынскаго у., Космо-Даміанской, Соликамскаго у., Илимской, Кунгурскаго у., Обвинской, Соликамскаго у., Урольской, Чердынскаго у., Кочевской, Чердынскаго у. (б. діаконъ), Верхъ-Язвепской, Чердынскаго у., Заводо-Очерской, Оханскаго у. (4 я вак.), Кизеловской, Соликамскаго у., Заводо-Чусовской Ксеніевской, Пермскаго у. (б. діак.), Косогорской, Пермскаго у., Нязе-Петровской, Красноуфимскаго у., Ножевской православн., Оханскаго у., Чусовской Ксеніевской, Пермскаго у., Заводо-Артинской Введеевской, Красноуфимскаго у., Губахинской, Соликамскаго у., Бисертской единовѣрч., Красноуфимскаго у., Юрковской, Оханскаго у., Сарсинской, Красноуфимскаго у., Милюхинской, Соликамск. у., Больше-Баклушинской, Оханскаго у., Сухорѣчинской, Кунгурскаго у., Александровской, Соликамскаго у., Верхне-Муллинской, Пермскаго у., Веретійской, Соликамскаго у., Верхне-Сергивской, Красноуфимскаго у., Кленовской, Оханскаго у., церкви села Плишкари, Осинскаго у., Бурдинской, Оханскаго у., Шерментской, Осинскаго у., Заводо-Мотовилихинской Свято-Троицкой, Пермскаго у., Сосновской, Кунгурскаго у., Мало-Сосновской, Оханскаго у., Пармской, Соликамскаго у., Хохловской, Оханскаго у., Нижне-Козмяшинской, Осинскаго у., Ленвинской, Соликамскаго у., Юксѣевской, Чердынскаго у., Воскресенскомъ соборѣ г. Чердыни (б. діак.), Артинской единовѣрч., Красноуфимскаго у., Усть-Зулинской, Чердынскаго у., Перемской, Пермскаго у., Куштомакской, Осинскаго у., Кыласовской, Соликамскаго у., Черноярской, Кунгурскаго у., Серебрянской, Кунгурскаго у., Кусье-Александровской, Перм-

скаго у., градо-Пермской Воскресенской, Слудской, Пермскаго у., Бакряжской, Красноуфимскаго у., Кизеловской, Соликамскаго у., Асовской, Кунгурскаго у., Вильгортской, Чердынскаго у., Сайгатской, Осинскаго у., Майкорской, Соликамскаго у., Усть-Кисертской, Кунгурскаго у., Дубровской единовѣрч., Осинскаго у.

Редакторъ П. Зеленовъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ Правленія Пермской Духовной Семинаріи.

Симъ объявляется, что срокомъ платы и доплаты за содержаніе воспитанниковъ Пермской духовной семинаріи въ общежитіи за октябрь мѣсяць 1917 года 40 руб. назначается **10 октября**, а за половину ноября мѣсяца того же года **1 ноября**. Отсрочекъ не допускается.

Правленіе.

И К О Н Н О - К Н И Ж Н А Я Л А В К А

П Р И

ПЕРМСКОМЪ БЪЛОГОРСКОМЪ ПОДВОРЬЕ
ОБЪЯВЛЯЕТЪ,

что ею получены новыя книги по богословію, проповѣдничеству и по церковной общественной жизни.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Согласно постановленія Пермскаго Чрезвычайнаго Епарх. Създа духовенства и мірянъ, утвержденнаго Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Андроникомъ, Епископомъ Пермскимъ и Кунгурскимъ, Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ о.о. Настоятелей церквей епархіи въ возможно непродолжительномъ времени и не поздиѣ 1 ноября с. г., вновь выслать въ Совѣтъ Братства св. Стефана по два рубля съ церкви за каждый экземпляръ Епарх. Вѣд. на 1917 годъ. Веденіе печатнаго дѣла въ г. Перми встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія. За время нашего отсутствія изъ г. Перми въ лѣтніе мѣсяцы Вѣдомости едва могли существовать. Плата была повышена до 200 р. за листъ, рабочихъ рукъ было совершенно мало, и типографія совсѣмъ отказывалась, за обремененностью работой, печатать Вѣдомости. Но теперь типографія увѣряетъ насъ въ возможности болѣе благополучнаго продолженія дѣла, и мы съ Божіею помощью вновь принимаемся за трудное и особенно отвѣтственное въ настоящее время редактированіе Епарх. Вѣд., надѣясь за то время, пока существуютъ Епарх. Вѣд., усиленно осуществить намѣченную для нихъ на Епарх. Създѣ программу.

П о д о ж д и.

Подожди... пощади... не сражайся со мною,
Не грози мнѣ покоемъ могильнаго сна;
Не отдамъ я тебѣ своей жизни безъ бою,
Пока силы свѣжи, пока въ тѣлѣ душа.
Не зови меня въ міръ безконечный и мрачный,
Не прельщай сновидѣньями тайнъ гробовыхъ,
Еще жажду я подвиговъ смѣлыхъ, опасныхъ,
Еще полонъ я вѣры, надеждъ молодыхъ.
Не зови меня въ вѣчность холодную, дальнюю,
Вдохновенья святого въ груди не туши,
Отврати свою силу могучую, тайную,
Не волнуй безадежнымъ сомнѣньемъ души.

А.

КЪ МОМЕНТУ.

Настоящій моментъ характеризуется слѣдующими исключительными событиями:

Открытие дѣятельности церковнаго собора.

Паденіе Риги.

Возстаніе б. верх. главнокоманд., генерала Корнилова и безкровная ликвидация этого возстанія.

Провозглашеніе Россіи республикой.

А за этими обстоятельствами, какъ ихъ фонъ, все та же картина:

Продолженіе партійныхъ распрей, дороговизна, внутренній безпорядокъ, анархія.

Въ атмосферѣ всѣхъ этихъ сложныхъ перипетій жизни, то и дѣло въ мірѣ рядовыхъ гражданъ раздаются вопросы:

— Что же это дѣлается?

— Куда мы идемъ?

— Когда же все это окончится?

— Что же теперь дѣлать?

Вопросы естественны. Раздаются они давно. Но, кажется, пора бы уже и отвѣты на нихъ найти. *Что дѣлается?* Дѣлается то, что должно дѣлаться. Революція, хотя и мирно прошедшая въ началѣ, едва ли могла не поколебать всего государственнаго организма, особенно въ тѣхъ его частяхъ, которыя до сихъ поръ особенно страдали или отъ односторонности мышленія, или отъ невѣжества, или отъ безправія, или отъ гнилоты. *Куда мы идемъ?* Мы идемъ къ осуществленію тѣхъ идеаловъ, которыми живутъ современные руководители народа. Если въ содержаніи этихъ идеаловъ есть искреннія стремленія къ дѣйствительной свободѣ отъ всякихъ насилій, отъ всякаго произвола и беззаконія, къ дѣйствительному братству людей, хотя бы въ чисто земномъ смыслѣ, къ дѣйствительной справедливости въ отношеніяхъ между людьми и къ дѣйствительно болѣе прочному миру между народами, то этимъ будемъ успокаивать себя среди современныхъ естественно вызванныхъ нестроений и страданій и, что бы тамъ ни было, со всею искренностью скажемъ:

— *Да здравствуетъ свобода!*

Но когдѣ же, когдѣ, наконецъ, эти нестроенія и страданія окончатся? А окончатся они тогда, когда мы сами этого захотимъ, когда мы не на словахъ только будемъ жаловаться на эти нестроенія

и страданія, а когда мы сами ни въ чемъ не будемъ вызывать ихъ, вспоминая о Богѣ, о совѣсти, о вѣрности закону, о прошлыхъ и грядущихъ судьбахъ нашей родины, о своемъ долгѣ передъ нею, о долгѣ передъ своею, кровью предковъ политую, землею, ихъ ногами исхоженною, ихъ мозолистыми руками воздѣланною, ихъ потомъ и слезами орошенною, ихъ великими подвигами прославленною, когда вспомнимъ о своей кровной связи съ родными нашими полями, лугами, дремучими лѣсами и привольными рѣками и озерами, когда охватить насъ дѣйствительный ужасъ при представленіи того поруганія, какому могутъ подвергнуться наши семьи, наши отцы, матери, жены и сестры, когда живо почувствуемъ мы тотъ позоръ и тѣ проклятія, какія мы можемъ заслужить со стороны потомковъ съ ихъ

Усмѣшкой горькою обманутаго сына

Надъ промотавшимся отцомъ.

Все это такъ, — могутъ сказать, — но когда же наступитъ это всенародное наше просвѣтленіе? А оно наступитъ въ одномъ изъ двухъ случаевъ: оно можетъ наступить тогда, когда въ силу той или другой комбинаціи обстоятельствъ вдругъ совершится надъ землею нашею что либо великое, вдохновенное, могучее и радостное, будетъ ли то удачное дѣйствіе правительства или самоотверженный, во имя Родины, порывъ революціонной демократіи, или хотя бы частичное, но замѣтное счастье на фронтѣ, или мощный натискъ на врага нашихъ союзниковъ и т. п. Но если не такъ, то всенародное наше просвѣтленіе можетъ наступить — спаси, Боже, — только въ томъ другомъ случаѣ, когда всѣ враждующіе между собою элементы, въ безсиліи вывести страну изъ тяжелаго положенія, докатятся, дѣйствительно, до послѣдней глубины страшной бездны и лишь здѣсь вынуждены будутъ увидѣть и сознать свои ошибки и лишь здѣсь рѣшительно захотятъ спасенія, о которомъ пока больше говорятъ, чѣмъ, дѣйствительно, ратуютъ на дѣлѣ.

Итакъ, неизвѣстно еще, когда все это окончится, но *что же дѣлать-то теперь?* Что дѣлать ради этого столь желаннаго спасенія Родины?

Да не покажется это парадоксомъ, да извинитъ намъ читатель, если мы заблуждаемся въ своемъ мнѣніи, но намъ кажется, что для спасенія Родины самое лучше теперь — ничего не дѣлать, т. е. не дѣлать того, что во время революціи принято дѣлать, не нужно безконечно собираться, безконечно шумѣть, говорить, кричать, спорить, какъ будто объединяться, а на самомъ дѣлѣ разъединяться, какъ будто организовываться, а на самомъ дѣлѣ дезорганизовываться, не нужно, кажется намъ, дѣлать ничего вотъ этого, т. ск., спе

ціально революціоннаго и столь въ настоящее время моднаго. Но въ то же время нужно дѣлать и дѣлать, самоотверженно дѣлать, безкопечно дѣлать со-всѣмъ другое.

Что же такое?

А то, что мы дѣлали до сихъ поръ, что мы дѣлали до революціи. Только теперь нужно это дѣлать съ удвоенной, съ утроенной, съ удесятеренной энергіей. Вѣдь, нужно же сознаться, что революція наша шла бы гораздо глаже, если бы мы по всему пространству земли Русской и послѣ переворота, который былъ принятъ всѣми, какъ фактъ состоявшійся, не прекращали той ежедневной и—полагаемъ—ко благу же Родины направленной работы, какая была у большинства изъ насъ раньше, . т. е. если бы новое правительство наше, принявъ бразды правленія, ни на минуту не переставало властвовать и управлять со всею полнотою и силою перешедшей къ нему верховной власти, если бы рабочіе не переставали работать, солдаты—воевать, земледѣльцы—пахать, учителя—учить, учащіеся—учиться, священники—проповѣдывать вѣрность Христовымъ заповѣдямъ по всей силѣ евангельской любви и евангельскаго самоотверженія и т. д. Разница между прошлымъ и настоящимъ въ этомъ отношеніи должна бы была заключаться лишь въ томъ, что раньше—допустимъ—работали плохо, теперь надо бы работать лучше, раньше работали мало, теперь надо бы больше, раньше часто по принужденію, теперь по свободѣ, раньше для Россіи старой, теперь для Россіи новой... Только и всего. А то что же? Едва произошелъ переворотъ, и всѣ сдвинулись со своихъ мѣстъ и чуть ли не каждый изъ насъ вообразилъ, что онъ, вчерашній обыватель, теперь уже не просто свободный гражданинъ (этого намъ мало), а непременно передовой вождь, герой, спаситель отечества. И вотъ заговорили, закричали, зашумѣли, заспорили. А тутъ то оттуда, то отсюда понахлынули разныя темныя силы и внесли еще больше шума и смуты. А мы шумимъ, кричимъ. Между тѣмъ, просто на просто, надо было бы только дѣлать и при томъ не что либо новое, чрезвычайное, а то, что было въ нашей сферѣ и въ нашихъ силахъ. Конечно, служить Родинѣ въ революціонную пору нужно и *чрезвычайными* средствами. Но не лучшее ли изъ этихъ *чрезвычайныхъ* средствъ возможно болѣе спокойное, но *чрезвычайное* напряженіе силъ на томъ дѣлѣ, къ которому я приставленъ? Въ этомъ случаѣ мы охотно встаемъ на Толстовскую точку зрѣнія. Развѣ не правъ былъ великій мыслитель, когда говорилъ, что въ сложныхъ условіяхъ жизни, вызываемыхъ тысячами видимыхъ и невидимыхъ причинъ, всѣ преднамѣренныя усилія отдѣльныхъ, даже и высокоодаренныхъ лицъ, не столько содѣйствуютъ дѣлу, сколько мѣшаютъ ему?

Итакъ, внемли себѣ, лучше, тщательнѣе и усерднѣе дѣлай то дѣло, къ которому ты приставленъ, меньше говори, меньше шуми, будь спокойнѣе, а Великій Хозяинъ нашей грѣшной и брэнной земли распорядится скорѣе и лучше насъ.

Для этого есть у него дивные агенты.

Это—законы исторіи.

Н. Колосовъ.

Преждевременная мысль.

Такою мыслью мы рѣшительно считаемъ мысль объ отдѣленіи Церкви отъ государства въ Россіи.

Когда высказываютъ и пропагандируютъ эту мысль представители разныхъ партій, стоящихъ лѣвѣе к.-д., то это понятно. При всемъ нашемъ уваженіи къ тому лучшему, что есть въ этихъ партіяхъ, мы не можемъ, однако, отказать имъ въ извѣстной долѣ оторванности отъ историческихъ условий русской жизни, въ отвлеченности и въ теоретичности. Поэтому именно пропаганда отдѣленія Церкви отъ государства со стороны этихъ партій намъ до извѣстной степени понятна. Но когда эта пропаганда исходитъ изъ круговъ церковныхъ, даже изъ руководящихъ церковныхъ круговъ, какова, напр., редакция газ. „Всерос. Ц.-Общ. Вѣстникъ“, то это — признаемся — намъ не очень понятно и не только не понятно, но и удивительно.

Мы отказываемся понять, въ какомъ смыслѣ нежелателенъ для православной Церкви дружественный союзъ съ православнымъ же въ огромной массѣ государствомъ? Есть опасность, что государство будетъ оказывать какое-либо давленіе на православно-церковную догматику, на богослуженіе, на проповѣдь? Но возможно ли это, если этого не было даже при старомъ самодержавномъ строе? Можетъ быть, есть опасность думать, что при союзѣ Церкви съ государствомъ, послѣднее будетъ стѣснять свободу внутренняго самоопредѣленія Церкви и внутренняго ея управленія? Но развѣ нельзя мыслить союза Церкви съ государствомъ при *автономіи* первой? Обыкновенно полагаютъ, что при союзѣ Церкви съ государствомъ, государство будетъ вліять на политику Церкви и даже можетъ вновь обратить ее въ свое орудіе ради политическихъ цѣлей. Но здѣсь нужно сказать слѣдующее: 1) Церковь сама по себѣ аполитична и, пользуясь внутренней свободой, она можетъ не принимать никакого участія въ политикѣ, можетъ разъ навсегда отказаться отъ всякой по-

литики. 2) Если же государство, какое бы то ни было, почему либо признасть нужнымъ использовать Церковь въ качествѣ политическаго орудія, то оно воспользуется ею безотносительно къ тому, въ союзѣ съ нимъ находится Церковь, или она отдѣлена отъ него. Да, это именно такъ: государство всегда въ правѣ и тѣмъ болѣе въ *силу* побудить представителей Церкви говорить или дѣлать то, что для него нужно. А если оно не всегда сумѣетъ заставить *говорить*, то уже всегда сумѣетъ заставить *молчать*. Пусть Церковь тысячу разъ отдѣлится отъ государства, все равно какое государство никогда не потерпитъ государства въ государствѣ и обратитъ свою силу на Церковь, если въ политическомъ отношеніи она пойдетъ съ нимъ по равнымъ дорогамъ или даже и по одной дорогѣ пойдетъ, но неохотно. Дѣло въ томъ, что у насъ все хотятъ скорѣе видѣть новыхъ Ермогеновъ и Филипповъ. Но вѣдь надо бы знать христіанскимъ богословамъ, что въ Ермогенахъ и Филиппахъ выражался не характеръ извѣстныхъ отношеній между Церковью и государствомъ, вообще характеръ не внѣшнихъ какихъ-либо земныхъ условій, а выражалась та благодать Божія, та сила Божія, выражался тотъ духъ Христовъ, который безгранично сведенъ, который не связуется никакимъ строемъ, никакими стѣсненіями и гоненіями, ни какими ни глубиною, ни высотой, никакою другою тварію, ни жизнью, ни смертью (Римл. VIII, 39 — 38), который дышитъ, идѣже хочетъ, и который дается особымъ избранникамъ Божиимъ, какъ вѣнецъ, украшающій ихъ ревность и святость. И если у насъ въ послѣднее время не было Ермогеновъ и Филипповъ, то не потому, что у насъ были тѣ или другія отношенія между Церковью и государствомъ (было бы наввно и оскорбительно для всегда свободной въ еуществѣ своемъ Церкви Божіей такъ думать), а потому, что мы по общимъ грѣхамъ своимъ не могли породить изъ среды своихъ сосудовъ Божіей благодати. Да, въ этомъ корень дѣла, а не въ томъ, что Церковь была въ извѣстномъ союзѣ съ государствомъ и какъ бы отъ него зависѣла. Старообрядческая Церковь была болѣе независима отъ стараго государства. Но возставали ли изъ нѣдра ея Ермогены и Филиппы? Нѣтъ, не возставали.

Въ силу всего сказаннаго, мы считаемъ излишнимъ говорить въ настоящее время объ отдѣленіи Церкви отъ государства. Но до сихъ поръ мы разсматривали вопросъ съ отрицательной стороны.

Теперь посмотримъ съ положительной.

Мы находимъ преждевременнымъ говорить объ отдѣленіи Церкви отъ государства, говорить именно со стороны Церкви, т. к. мы не знаемъ еще, каково будетъ новое государство, какова будетъ новая государственная власть,

не знаемъ, въ какое отношеніе встанетъ эта власть къ Церкви; во всякомъ случаѣ сейчасъ у насъ нѣтъ основаній, нѣтъ повода думать, что новое государство, новая власть непременно будутъ враждебны къ Церкви. Правда, партіи с.-д., с.-р. и др. — за отдѣленіе Церкви отъ государства, но 1) вся Россія всетаки шире этихъ партій, 2) вся Россія не сказала еще своего слова, 3) самыя эти партіи не сказали еще рѣшительнаго своего слова, 4) Да, если бы онѣ и сказали, развѣ нельзя еще было бы съ ними говорить и столковаться? Какъ бы то ни было, въ Россіи 114 мил. прав. населенія и среди этой массы множество горячо любящихъ прав. Церковь. Многіе изъ с.-р. и с.-д. люди православные и далеко не все отрещиваются отъ Церкви. Теперешнее наше Временное Правительство благовѣрное, православное. Нельзя сказать, что оно враждебно относится къ Церкви: оно содѣйствовало скорѣйшему открытію церк. собора, оно дало денегъ на соборъ, оно открываетъ страницы своего центрального органа для посланій и воззваній Св. Синода. Подождите: Русь — матушка — страна неограниченныхъ возможностей. Ея величіе въ проникновеніи ея духомъ христіанской кротости, любви и простоты, духомъ, въ причастности къ которому нельзя отказать даже крайнѣйшимъ изъ нашихъ партій. Подождите же раньше времени безповоротно осуждать кого-либо изъ православныхъ русскихъ людей въ непримиримомъ антихристіанствѣ, въ лютой враждѣ къ Церкви. Подождите брать подъ подозрѣніе все будущее православное государство, всю русскую государственную власть. Подождите отметать отъ себя государство. Здѣсь исчерпаны еще далеко не все возможности. И надежда на то, что новое русское государство будетъ православнымъ и къ Церкви благорасположеннымъ, вовсе не потеряна. Преждевременнымъ же муссированіемъ мысли объ отдѣленіи Церкви отъ госуд. вы, м. б., сами того не желая, какъ бы напередъ благословляете будущее русское государство и будущую русскую государственную власть на антихристіанственное направленіе, на антицерковность, на борьбу съ Церковью, при чемъ въ качествѣ успокаивающаго лозунга выдвигается кличь:

— Не испугаемся! Проживемъ и одни! Поборемся!

„Не испугаемся! Поборемся!“ Удивительно! Давно ли и откуда набрались такой храбрости? То такъ представляется, были ниже воды, тише травы, а тепорь хотя бы въ открытый бой со всею силою государства. Признаться, не вѣримъ мы въ эту готовность на все и все это искусственное и добровольное вызваніе государства на борьбу съ Церковью почитаемъ непонятнымъ и прямо страннымъ.

Иногда говорят, что отдѣленіе Церкви отъ государства по существу необходимо, т. к. —де — Церковь руководитъ человѣка къ небу, а государство окончательно прикрѣпляетъ его къ землѣ; Церковь и государство, представляется, это—два различныхъ и противоположныхъ царства.

Что это—царства различныя, это вѣрно. Но что они противоположны—противъ этого мы протестуемъ. Церковь и государство, пока послѣднее остается союзомъ вѣрующихъ гражданъ, не должны и не могутъ быть противоположными. Конечныя цѣли Церкви и госуд. могутъ сходиться. Расхожденіе же можетъ быть только въ степеняхъ устремленія къ этимъ цѣлямъ. Церковное значеніе человѣка — вѣчное спасеніе. Но оно недостижимо сразу. Къ нему—рядъ ступеней, и одна изъ находящихся внизу, это — государство. И государство, вѣдь, не ко злу стремится и не безъ ума владѣетъ мечомъ. Оно тоже стремится ко благу. Только въ то время, какъ Церковь требуетъ отъ человѣка максимума добра, государство удовлетворяется и минимумомъ его. Разница, слѣд., прежде всего въ степени. Подтвержденіе этого взгляда мы находимъ и въ юридической наукѣ, напр., у Бирлинга, Тона. Въ настоящее же время у насъ особенно опасно и губительно выдвигать эту мысль о противоположности Церкви и государства и еще болѣе о томъ, что наша човая государственность какъ бы сброшена отъ Церкви и будетъ враждебно относиться къ Церкви. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, нужна власть твердая, авторитетная, всенародная, а потому, повторяемъ, бойтесь объявлять ее противъцерковной, а, наоборотъ, всячески старайтесь сдѣлать ее церковной. Намъ нужна не пропасть между Церковью и государствомъ, а намъ нуженъ здѣсь прочный и широкій мостъ.

А теперь посмотримъ на предметъ еще съ чисто-практической точки зрѣнія.

Допустимъ условно, что отдѣленіе Церкви отъ государства у насъ въ Россіи по существу возможно и даже желательно. Пусть такъ. Но ради Бога не производите этого отдѣленія немедленно, сейчасъ же. Провести отдѣленіе теперь же—это значитъ свергнуть церковную жизнь на поруганіе, на глумленіе, свергнуть въ анархію и въ беспорядокъ. Дѣло въ томъ, что когда читаешь какой-ниб. „Всероссійскій Вѣстникъ“, или слушаешь какого-ниб. краснорѣчиваго теоретика или мечтателя, то можно подумать, что организовать нашей Церкви въ хозяйственномъ отношеніи ничего не стоитъ, что въ этомъ отношеніи не мало уже сдѣлано, что еще немного, и не нужно будетъ Церкви никакой помощи отъ госуд. То и дѣло *) мелькаютъ прих. организаціи, прих. совѣты и т. п. М. б., это и такъ, если смотрѣть на жизнь изъ тиши уют-

*) Въ печати.

наго профессорскаго кабинета. Но вотъ мы только что 2¹/₂ мѣс. провели въ деревнѣ, все время вращаясь въ церковномъ обществѣ. И что же? О фигурирующихъ въ печати приходскихъ совѣтахъ и организаціяхъ тамъ ни духу, ни слуху. Не то, что эти совѣты плохо функционируютъ, но ихъ просто нѣтъ и въ зародышѣ, никто о нихъ и знать не хочетъ. Но означаетъ ли это, что тамъ нѣтъ церковной жизни? Нѣтъ, церковная жизнь стоитъ тамъ высоко: храмы полны народомъ, колокола звонятъ краснымъ звономъ, много заказныхъ службъ, горятъ свѣчи передъ иконостасомъ, поютъ-заливаются простонародные мужицкіе хоры, растутъ доходы церквей и даже причтовъ. Но и только. Все остальное—отъ лукаваго. Всѣ эти организаціи и совѣты—отъ лукаваго. Говорятъ, нужно собраться въ церковь, нужно хоть на соборъ выбрать.— „Что жъ? Выбрать такъ выбрать. Выберемъ“.— „Такъ, вотъ, приходите въ церковь на приходское собраніе“.— „Ну, вотъ, зачѣмъ въ церковь? Шумъ будетъ. Непристойность. Нѣтъ, такъ у себя и выберемъ. Въ пожарномъ сараѣ“.— И, дѣйствительно, въ пожарныхъ сараяхъ и на соборъ выбирали. У народа особый взглядъ на Церковь. Церковь—это напоминаніе о грѣхахъ, о молитвѣ, о вѣчномъ спасеніи и менѣе всего о деньгахъ на содержаніе духовенства. Правда, народъ дастъ и эти деньги, но даетъ всегда скрѣпя сердце, даетъ съ болью за то униженіе, какое претерпѣваетъ при этомъ духовенство. И теперь и народъ, и духовенство ждутъ не дождутся, когда „попы отойдутъ на казенное жалованье“. И, вотъ, вдругъ сейчасъ же Церковь отдѣлится отъ госуд., и попы, сверхъ ожиданія, опять лягутъ непосредственно на народный карманъ. Не трудно представить результаты: народъ не скоро пойметъ, въ чемъ дѣло, и возропщетъ, старые изъ духовенства впадутъ въ уныніе, ибо тогда, м. б., даже и заслуженной тяжкимъ трудомъ и многими лишеніями и обидами и 25-рублевой пенсіи они не получаютъ и будутъ обречены на нищету, а мѣстами, м. б., и на голодную смерть; пастыри, уже потрудившіеся и уставшіе, впадутъ въ апатію и затаятъ тяжелую боль въ сердцѣ, а тѣ, кто помоложе, или снимутъ санъ, или уйдутъ на свѣтскую службу, или уйдутъ въ университеты. Это массовое бѣгство съ пастырскихъ постовъ уже началось и теперь, едва вырисовался призракъ отдѣленія, а дальше ждите и большаго. Повѣрьте, о.о. и г.г. проповѣдники отдѣленія. Не столько отъ пресловутой зависимости Церкви отъ государства страдала наша Церковь, сколько отъ униженій и отъ бѣдности духовенства. Полной независимости Церкви отъ государства все равно никогда быть не можетъ. Самъ Христосъ повиновался этой власти и призывалъ повиноваться ей. Но униженію служителей Христовыхъ среди вѣрующихъ сыновъ прославленной воскресеніемъ Христовымъ Церкви Его, этому униженію

можетъ и долженъ быть положенъ предѣлъ. Не будетъ этого предѣла, и разбѣгутся духовные вожди народа, вожди наиболѣе интеллигентные, наиболѣе правоспособные. Правда, у насъ въ послѣднее время многими принято оцѣнивать заслуги духовенства его воинственностью противъ тѣхъ или другихъ политическихъ направленій, особенно противъ политики стараго государства. Пусть, дѣйствительно, такихъ воинствующихъ было немного, но, вѣдь, не въ этомъ прямая задача пастыря, а въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ образомъ словомъ, житіемъ, любовью, духомъ, вѣрою, чистотою. А такихъ образцовъ твердой и упорной вѣры и нравственной чистоты, проводимой черезъ семью, немало было среди интеллигентныхъ батюшекъ послѣдняго времени, и въ этомъ смыслѣ они были солью, поддерживающею нравственное благосостояніе общества. Жаль, глубоко жаль будетъ, если уйдутъ они. Многіе наемники будутъ прелазить тогда инудѣ къ овцамъ стада Христова. Явятся тогда и волки-хищники. Нахлынутъ тогда и расколъ, и сектантство, и толстовство, и хлыстовщина, и магометанство, и разныя новыя христіанства, а больше всего атеизмъ. Откуда пойдетъ противодѣйствіе, если множество приходовъ могутъ осгаться безъ пастырей, да еще въ такое время, какъ теперь, когда всякая противоцерковная пропаганда — такая ожесточенная. Да, есть іеромонахи, явятся батюшки изъ простецовъ. Но, 1) — іеромонаховъ можетъ не достать, 2) — іеромонахъ былъ бы новымъ типомъ приходскаго батюшки, который такъ значительно расходился бы съ освященнымъ вѣками и бытомъ семейнаго батюшки и 3) — простецовъ надо еще просвѣтить и приспособить къ характеру переживаемой эпохи. А для этого нужно время и время.

Въ заключеніе нельзя на коснуться еще слѣдующаго пункта. Иногда говорятъ: пусть при отдѣленіи отъ государства уходятъ, отпадаютъ отъ насъ всѣ слабые, сомнѣвающіеся, колеблющіеся, соблазняющіеся. Останутся одни сильные, стойкіе, — съ насъ и довольно. Мы, можетъ быть, проиграемъ въ количествѣ, но зато выиграемъ въ качествѣ. Да, иногда говорятъ и такъ. Но не есть ли это одна изъ наиболѣе роковыхъ и гордыхъ мыслей? Согласитесь: вѣдь, если сказать — пусть отпадаютъ слабые — не значить ли это признать, что напрасно Христосъ говорилъ объ особой радости на небесахъ ради одного спасеннаго грѣшника, напрасно посылалъ Онъ на проповѣдь учениковъ приводить ко спасенію не только сильныхъ, но и слабыхъ; напрасно тогда заботились объ умноженіи церквей и вѣрующихъ св. апостолы, напрасно ап. Павелъ въ своихъ путешествіяхъ всему міру провозвѣщалъ Христа Спасителя, напрасно трудились Кириллъ и Меѳодій, напрасно подвизался св. Стефанъ Пермскій. Такъ? Вѣдь, зачѣмъ были эти благовѣстническіе болѣзни и труды, зачѣмъ эти заботы объ

умноженіи вѣрующихъ, изъ которыхъ, несомнѣнно, большинство начинали съ немногаго и были сначала слабы, были младенцами въ вѣрѣ,—зачѣмъ все это, если можно было ограничиться небольшимъ числомъ твердыхъ въ вѣрѣ и на томъ успокоиться? Нѣтъ, отцы и братіе! Нельзя такъ говорить: „пусть отпадаютъ“. Нѣтъ. Наоборотъ, нужно беречь въ оградѣ церковной и сильныхъ, и твердыхъ въ вѣрѣ, но еще болѣе нужно беречь слабыхъ, неустойчивыхъ, которые легко могутъ пасть передъ соблазномъ, едва вы отъ нихъ отойдете, нужно беречь всѣхъ слабенькихъ, всѣхъ грязненькихъ, всѣхъ пьяненькихъ. Вѣдь, и Христосъ приходилъ не праведниковъ спасать, а грѣшниковъ.

Итакъ, таковъ нашъ громкій кличъ:

Отцы и братіе! Мужественно стойте за союзъ православной Церкви съ православнымъ государствомъ. Боритесь противъ отдѣленія Церкви отъ государства. Пусть грядущая, новая наша государственность будетъ, какъ и встарь, православной и церковной. Нѣтъ противорѣчій между свободой и православіемъ. Преждевременное же отдѣленіе Церкви отъ государства, ранѣе организаціи церковныхъ силъ и средствъ, свернетъ страну и Церковь въ новую смуту и повлечетъ за собою новыя тяжкія бѣдствія. Да не будетъ этой смуты, но да господствуютъ надъ всѣмъ устройствомъ нашей свободной жизни къ лучшему—единеніе, миръ и любовь. Будемъ знать, что на утверждаемой нами точкѣ зрѣнія стоятъ многіе архипастыри, пастыри и множество православнаго вѣрующаго народа, выразившаго свой взглядъ на предметъ на нѣсколькихъ Епарх. Съѣздахъ. (Въ слѣд. № „Вѣд.“ мы постараемся дать конспектъ статьи проф. Верховскаго изъ ж. „Христ. Мысль“, гдѣ маститый проф. выступаетъ въ научномъ всеоружіи противъ отдѣленія Церкви отъ госуд.).

Н. Колосовъ.

Бѣлая гора.

Итакъ, Богу содѣйствующу, 7 — 9 іюня с. г. на Бѣлой Горѣ торжественно, при огромномъ стеченіи молящихся, при вдохновенномъ подъемѣ вѣрующихъ, было совершено освященіе новаго величественнаго, дивнаго, по красотѣ, богатству и выдержанности стilia въ наружномъ и внутреннемъ убранствѣ храма въ честь Воздвиженія Животворящаго Креста.

Вознесена передъ вѣчнымъ лучезарнымъ алтаремъ Господа Вседержителя, среди дивной уральской природы, пышная и яркая свѣча, уготованная отъ все-народнаго усердія, отъ любвеобильнаго русскаго вѣрующаго сердца, отъ небеснаго алканія богоносной русской души, отъ самоотверженнаго труда жертвователей и строителей.

Честь и слава христолюбивому, богоносному русскому народу, и въ настоящіе лютые дни помнящему о томъ, что есть „едино на потребу“.

Честь и слава щедрымъ жертвователямъ, несшимъ свои лепты, не взирая на косые взгляды, на подозрѣнія, даже на насмѣшки и на іудино роптаніе: „чесо ради трата сія? Не лучше ли было бы раздать это нищимъ“.

Честь и слава строителямъ, и прежде всего всечестному о. архимандриту Варлааму, столь доблестно достигшему до вѣнца своихъ желаній черезъ длинный путь трудовъ, испытаній, невзгодъ, лишеній и препятствій.

Отъ всей души и со всею радостію привѣтствуемъ тебя, достославная Уральская Лавра, съ окончаніемъ великаго подвига и молитвенно желаемъ, чтобы отнынѣ и до вѣка получали духовное утѣшеніе, миръ и радость о Дусѣ Святѣ всѣ притекающіе во множествѣ подъ твою благодатную сѣнь.

Свѣтися, свѣтися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на Тебѣ возсія.

К.

ИЗЪ КНИГЪ.

Давай, Катя, завтракать.

Въ ж. „Христ. Мысль“ (V—VI) напечатана интересная статья прот. Ев. Капралова подъ загл. „Вопросы вѣчности и положительная наука“. Ярко здѣсь рисуется безсиліе науки самой по себѣ, безъ помощи философіи и религіозной вѣры, осмыслить человѣческую жизнь. Приводимъ заключительную часть этой статьи.

„У Чехова есть очень проликовенно и живо написанный рассказъ („Скучная исторія“). Глубокій старикъ профессоръ, слишкомъ 30 лѣтъ съ честью занимается университетскую кафедру, добросовѣстный и честный работникъ, вѣрить въ науку непоколебимо, убѣжденъ, что „она есть самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка... что только ею одною человекъ побѣдитъ природу и себя“; имя его гремитъ не только въ Россіи, но и за границей. И вотъ этотъ ученый старикъ на закатѣ дней, когда особенно на-

зойливо, неотвязно ежеминутно въ головѣ выплываютъ докучливыя думы о пройденномъ жизненномъ пути и смыслѣ его, послѣ тщательной самоповѣрки, ловить себя на ужасномъ вынужденно сдѣланномъ самому себѣ признаніи, что *не для чего жить*, что тѣ 62 года которые прошли, надо считать пропавшимъ, что въ его пристрастіи къ наукѣ, въ стремленіи познать себя по методамъ науки,—во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и ионятіяхъ, какія онъ составляетъ обо всемъ, нѣтъ чего то самаго главнаго, самаго важнаго, чего то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое, нѣтъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка.. „А коли нѣтъ этого, заключаетъ горестно профессоръ, *то значить, нѣтъ и ничего*.. И эта опустошенность мысли послѣ десятковъ лѣтъ научной работы обидно и трагически скоро сказалась. Молодая, митущаяся, искренняя душа попыталась найти у него поддержку въ тяжкомъ кризисѣ совѣсти; это его воспитанница съ разбитой личной жизнью и съ порывами къ осмысленному подвигу. Придавленная, какъ тисками, драмой своей души, она приходитъ къ своему старому другу и учителю и, блѣднѣя, сжимая руки на груди, порывисто, съ отчаяніемъ, — наконецъ, съ рыданіями просить: „помогите, помогите мнѣ!.. Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать?.. Вы мой отецъ, мой единственный другъ! Вѣдь вы умны, образованы, долго жили. Вы были учителемъ! Говорите же, что мнѣ дѣлать“? И... слышитъ отъ профессора отвѣтъ: *по совѣсти, Катя, не знаю*, а вмѣсто разъясненія того, о чемъ спрашиваетъ измученная дѣвушка, слышитъ съ натянутой, растерянной улыбкой произнесенныя жалкія слова: „Давай, Катя, завтракать! Будетъ плакать“.

Такихъ трагическихъ душъ—мы это хорошо знаемъ—много, и всѣ онѣ также болѣзненно спрашиваютъ о путяхъ жизни у научныхъ авторитетовъ и также обречены уходить отъ нихъ ни съ чѣмъ, съ невыплаканными слезами отчаянія, потому что у науки нѣтъ чѣмъ отереть эти слезы и чѣмъ выпрямить исковерканное страданіями сердце.

„Не знаю“—это въ устахъ научнаго работника единственное слово для всѣхъ ищущихъ у науки помощи въ установкѣ разумныхъ устоевъ жизни. Что такое добро, что такое зло? Во имя чего стоитъ быть честнымъ, справедливымъ, милосерднымъ, героемъ, подвижникомъ? „Не знаю“,—отвѣчаетъ наука. Есть-ли безсмертіе, вѣчная жизнь? „Не знаю“. Чѣмъ вдохновлять свою энергію на братолюбивую работу, на устройство социальнаго благополучія? „Не знаю“...

Тогда какая же цѣна научнымъ пріобрѣтеніямъ, генію точнаго знанія, прогрессу матеріальной техники? Въ вопросахъ жизни и смысла ея, какъ теперь

яено, настолько относительная, что мысль ученаго даже сверхъ мѣры отягощеннаго многознаніемъ, если она не вѣдаетъ или отрекается отъ религіозной философіи, поникаетъ въ полномъ безсиліи и смущеніи, когда становится лицомъ къ лицу съ этими вопросами, и всего одинъ шагъ отдѣляетъ иногда это смертельно тягостное чувство разочарованія въ положительномъ знаніи отъ рѣшенія добровольно оборвать запутанную нить неосмысленной всесторонне жизни. Помните глубокую, мрачную грусть Фауста, потрясеннаго убѣжденіемъ въ полной ненужности научныхъ знаній, разъ ими нельзя добиться абсолютной истины. Помните, какъ онъ, извѣдавшій досыта плодовъ отъ древа познанія и не переступившій отъ него къ дереву свѣтлой жизни, прощаясь съ своимъ кабинетомъ предъ рѣшеннымъ самоубійствомъ, говоритъ черепу полуиронически и полутрагически: „что хочешь сказать мнѣ ты, пустой черепъ, скали на меня свои зубы? Не то ли, что, подобно мнѣ, и твой мозгъ смущенно искалъ лучшаго и, теряясь въ потемкахъ, жалкимъ образомъ заблуждался въ жадномъ стремленіи къ истинѣ?.. А вы, мои инструменты, не смѣтаете-ли вы надо мною, со всѣми вашими колесами, зубчатыми полосами, валами и скобками? Вы должны были служить мнѣ ключемъ, чтобы отпереть ворота, предъ которыми я стоялъ; но я вижу, что бородка вашего ключа зазубрилась и не можетъ повернуть замка. Таинственная для насъ даже среди свѣтлаго дня природа не позволяетъ совлечь съ себя покрывала, и то, что соблаговолитъ она открыть нашему уму сама, никогда мы не познаемъ насильственно помощью нашихъ рычаговъ и механизмовъ“.

Въ переводѣ на болѣе прямой языкъ эти же мысли прекрасно изложилъ извѣстный нѣмецкій проф. А. Гарнакъ. „Наука, говоритъ онъ, не въ состояніи дать смысла жизни. Я позволю себѣ сослаться на свой личный опытъ, на результатъ моей серьезной 30—лѣтней работы надъ такими вопросами. Чистая наука—дивная вещь: жалокъ тотъ, кто пренебрежительно относится къ ней или притупляетъ въ себѣ интересъ къ познанію. Однако на вопросы *откуда, какъ и зачѣмъ*, она и въ наше время такъ же не въ состояніи отвѣтить, какъ и 2—3 тысячи лѣтъ тому назадъ. Она даетъ намъ знаніе фактовъ, вскрываетъ противорѣчія, связываетъ явленія и исправляетъ обманы нашихъ чувствъ и представленій. Но гдѣ и какъ начинается, куда и какъ ведетъ кривая линія міра и нашей собственной жизни, на этотъ вопросъ наука не даетъ отвѣта“.

Наиболѣе выразительнымъ показателемъ неотвратимо рокового уклана *ad absurdum*, по которому логически правильно идетъ „научно“ материалистическое мышленіе въ вопросѣ достоинства и смысла человѣческой

ни, можетъ служить недавно получившее широкую извѣстность ученіе наше-
го русскаго ученаго И. И. Мечникова (работавшаго въ парижскомъ Пастеров-
скомъ институтѣ). Недавно вышелъ (уже вторымъ изданіемъ) сборникъ его
статей по естествознанію подъ заглавіемъ „Сорокъ лѣтъ исканія раціональна-
го міровоззрѣнія“, гдѣ профессоръ соединилъ главнымъ образомъ тѣ изъ
своихъ работъ, которыя проникнуты одной общей мыслию и направлены къ
выработкѣ и уясненію съ материалистической точки зрѣнія „основъ общаго
воззрѣнія на человѣческую жизнь“. Своё ученіе проф. Мечниковъ назвалъ
теоріей *ортобіоза*. Это—научно философскій синтезъ естественнымъ даннымъ
по вопросу о человѣческой жизни и ея назначеніи, имѣющей цѣлью открыть
научный путь къ преодолѣнію гнетущаго страха смерти, который дѣлаетъ
особенно загадочною и непостижимою съ безрелигіозной точки зрѣнія тайну
человѣческой жизни. Сущность этого ученія такова: человѣкъ есть одинъ
изъ потомковъ низшаго животнаго царства, достигшій путемъ медленной эво-
люціи громаднаго перевѣса въ мозговыхъ органахъ передъ своими сородичами.
Организація человѣка и физическая и такъ называемая психическая далека
отъ совершенства. Человѣкъ полонъ всевозможныхъ дисгармоній и нецѣлесо-
образностей. Въ числѣ этихъ дисгармоній—самая безпокойная это страхъ
смерти, который необходимо всячески побѣдить. Средства для этого простыя:
надо тщательно наблюдать за правильною работою всѣхъ органическихъ
функцій, оберегая себя отъ излишествъ и физическихъ и умственныхъ и
старательно ухаживая главнымъ, образомъ, за физиологіей питанія и работою
пищеварительнаго тракта. Кто будетъ вѣренъ этому совѣту, того ожидаетъ
нормальная старость, постепенно приводящая къ потерѣ инстинкта жизни и къ
появленію инстинкта естественной смерти. На самый же основной вопросъ о
разумномъ назначеніи человѣка дается до поразительности упрощенный отвѣтъ:
человѣкъ наилучшимъ образомъ выполнить свое назначеніе, если онъ наилуч-
шимъ же образомъ используетъ свои природныя силы, какъ въ области фи-
зіологіи, такъ и въ моральной и соціальной, и приготовить для себя путемъ
ухода за собой пріятную старость съ хорошо развитымъ инстинктомъ есте-
ственной смерти. И... все. Т. е. возможно больше пракческаго благоразу-
мія, бережнаго обращенія и экономіи въ тратѣ силъ, хорошая доза здорова-
го эгоизма и больше всего тѣлесной и духовной гигиены! Неправда-ли, все
просто, ясно, элементарно. Но если немного вдуматься во все это, какимъ
въ концѣ концовъ безысходнымъ, холоднымъ ужасомъ вѣдетъ отъ подобной
философіи человѣческой жизни. Слушаешь, и кажется: если бы не крупное
имя научнаго спеціалиста,—такую цинически эпикурейскую проповѣдь легко

принять просто за сознательный и злой памфлетъ. Болѣе грубо унижить человека, какъ это слѣдано здѣсь, *намеренно* нельзя. Вѣдь въ окончательномъ итогѣ ученія объ ортобіозѣ получается, что самосознаніе человека, его чувство собственного достоинства, какъ разумной личности пониманіе имъ вѣчности, тоска и порывъ къ ея идеаламъ—все это—психическая болѣзнь, которую надо лечить специфической противорелигіозною и противофилософскою прививкой (какъ бываютъ особыя прививки противъ дурныхъ болѣзней). Т. е. отъ имени науки выражается всѣми словами полное пренебреженіе и неуваженіе къ самымъ дорогимъ движеніямъ человеческого духа и проповѣдуются, что всѣ цѣннѣйшія особенности его природы, которыми онъ безгранично возвышается надъ видимымъ міромъ, по существу ненужны ему и даже вредны, и потому идеальное стремленіе его жизни—это такъ или иначе избавиться отъ нихъ и возвратиться къ блаженству животнаго спокойствія не только въ жизни, но и предъ лицомъ смерти. Однимъ словомъ, мятущемуся душой человеку рекомендуется цѣлительное средство: постарайся забыть, что ты человекъ, и тверже помни, помни ежеминутно, что ты только животное.

Показательно тутъ то обстоятельство, что подобный взглядъ высказывается въ качествѣ итога, выношеннаго ученымъ втеченіе сорока лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія,—послѣ того, какъ ученый этотъ имѣлъ достаточно времени и добросовѣстнаго усердія точнѣйшимъ образомъ пересмотрѣть всѣ положенія науки, сопряженныя съ вопросами философіи, религіи и морали и учесть рѣшительно все, что въ состояніи сказать наука по этимъ вопросамъ съ точки зрѣнія своихъ ресурсовъ. Это уже гораздо больше, чѣмъ частное мнѣніе частнаго человека. Это, если хотите, послѣднія и окончательная декларация научной философіи о предѣлахъ своей компетенціи въ проблемахъ жизни. Разумѣется, проф. Мечниковъ менѣе всего думалъ о томъ, что онъ произноситъ роковой приговоръ надъ наукою: напротивъ, судя по его заявленію, что единственно только въ наукѣ человекъ найдетъ всю правду о жизни и ея идеалахъ, онъ въ своемъ ученіи объ ортобіозѣ думалъ лишь объ ея престижѣ. И, какъ видите, устами его сказана печальная для матеріалистической философіи, но безспорная правда: положительная наука не только бессильна въ рѣшеніи извѣчныхъ вопросовъ человеческого существованія, но насильственное примѣненіе ея методовъ и данныхъ къ этой области логически правильно приводитъ къ всецѣлому упраздненію авторитета и цѣнности моральнаго и интеллектуальнаго я человека“.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ.

Умеръ или ожилъ?

Въ настоящее время, когда невѣріе такъ настойчиво и дерзко стучится въ двери народнаго сердца, в. полезно чаще поставлять предъ всенародныя очи страницы изъ науки и изъ литературы, представляющія безпристрастно, какъ трудно, тяжело и несносно въ концѣ концовъ человѣческой душѣ безъ вѣры.

Вотъ передъ нами дивныя страницы изъ Арцыбашева: „У послѣдней черты“.

„Тамъ, на столикѣ, у кровати, горѣла лампа и, вытянувъ поверхъ одѣяла сухія руки, лежалъ старый профессоръ Иванъ Ивановичъ.

Лампа тускло свѣтила на кровать, а дальніе углы тонули въ зеленоватомъ сумракѣ, и казалось, что въ этихъ мгlistыхъ углахъ, съ тихимъ непрерывнымъ шепотомъ тянется какая-то странная, таинственная работа, невидимая людямъ...

Смерть была тутъ...

Она не отступитъ, не уйдетъ. Это раньше можно было не думать, можно было надѣяться; теперь все кончено; съ вѣрностью машины подходитъ она все ближе и ближе, точно открытая могила медленно сама ползетъ къ кровати, на которой корчится отъ ужаса Иванъ Ивановичъ.

Тоска подымается все выше и выше, охватываетъ съ головой, нечѣмъ дышать, наконецъ!... Все тѣло, вся душа, каждый нервъ тянется и дрожить. Надо скорѣе что-то вспомнить, что-то сдѣлать.

Но что вспомнить? что смерть — обычное фізіологическое явленіе, что все умрутъ, что когда-нибудь этотъ моментъ все таки пройдетъ, что это еще не сейчасъ, что объ этомъ не надо думать?... Что вопреки здравому смыслу, такому желѣзному и ясному, есть все—таки спасеніе: вѣчная безсмертная жизнь души... Богъ.

И страшная, скачущая мысль вдругъ падаетъ. Призракъ смерти отступаетъ, растворяясь въ какой-то пѣвучей, усыпляющей мечтѣ.

„Богъ! — думаетъ Иванъ Ивановичъ, задерживая дыханіе, чтобы не вспугнуть робкую, слабую, какъ паутину, надежду, — Боже мой, Боже!... Ну, что Тебѣ стоять! Я знаю, что смѣшно и глупо мнѣ, старому, уному человѣку, профессору, вѣрить въ Тебя, какъ деревенская баба... Я знаю, что

это только малодушіе мое. Но, можетъ быть, Ты все-таки есть... Ты пожалѣй меня. Мнѣ страшно! Видишь, какъ я мучаюсь, а я старын, больной чело-вѣкъ, такой жалкій, жалкій старичокъ!

Отъ жалости къ себѣ смутныя слезы заливаютъ тусклые глаза Ивана Ивановича, и онъ нарочно повторяетъ это слово, какъ можно жалче, какъ можно униженнѣе, чтобы разжалобить кого-то.

„Ну, что Тебѣ мучить меня?... Хотя бы узнать! Хотя немного! И стало бы такъ хорошо... Я умеръ бы, но не такъ же, не такъ ужасно!...“

И вдругъ гнетущая мысль начинаетъ овладѣвать Иваномъ Ивановичемъ; никому не жаль его, всѣмъ надоѣлъ онъ, жалкій, выжившій изъ ума полутрупъ.

Но, вѣдь, онъ сдѣлалъ столько для науки. Теперь онъ, конечно, давно отсталъ, перезабывъ многое, но было время—ямя его пользовалось почетомъ. Остались его книги, обширныя изслѣдованія по исторіи челоуѣчества. Люди должны и будутъ его помнить. И, такимъ образомъ, онъ все таки не умретъ.

На мгновеніе, какъ бы открывается изъ тьмы дверь въ яркое солнечное утро: да, тѣло умретъ, но душа его будетъ жить вѣчно въ его книгахъ, въ его вліяніи. Да, вотъ оно и есть это безсмертіе.

Но тяжелая дверь захлопывается съ глухимъ стукомъ. Опять пустота и ужасъ: да, будутъ жить книги и мысли, но не онъ самъ. А онъ умретъ. Что за дѣло Сократу, что имя его повторяется кетати и некстати какими-то неизвѣстными людьми, а самъ онъ давно сгнилъ гдѣ-то въ землѣ. Развѣ это безсмертіе? Это насмѣшка! Иванъ Ивановичъ еще не умеръ, онъ только старъ, а уже и теперь, какая связь между нимъ и его книгами? Лучше бы онъ и не писалъ ихъ совсѣмъ, не думалъ, не жегъ жизни надъ бумагой, а дышалъ, смотрѣлъ на солнце, котораго онъ никогда, никогда уже не увидитъ больше.

...Дня за три до смерти старый профессоръ Иванъ Ивановичъ замолчалъ, и ни приходъ доктора Арнольди, ни заботы перепуганной супруги Полины Григорьевны не могли заставить его отозваться. Казалось, что между нимъ и всей жизнью встала какая-то невидимая стѣна и уже навсегда отдѣлила его отъ живыхъ людей. Тамъ, за этой стѣной, совершалась послѣдняя, никому непонятная, борьба жизни и смерти.

Когда его спрашивали о чемъ-нибудь, старичокъ отвѣчалъ коротко и вполнѣ разумно, почти не путая словъ. Можно было подумать, что онъ опомнился, понялъ, наконецъ, что-то и затаилъ въ душѣ эту страшную тайну, боясь заговорить, чтобы не выдать себя. Цѣлыми часами, никого не беспокоя, онъ просиживалъ въ креслѣ, опустивъ на руки дрожащую облѣзлую голову, странно каменѣвшую, и думалъ, закрывъ глаза.

Полина Григорьевна суетилась вокругъ. Какъ бы въ предчувствіи близкаго конца, она вдругъ позабыла все свои мысли, всю усталость и стала кроткой, полной любви и жалости. И когда по ночамъ Иванъ Ивановичъ вставалъ и садился на кровати, маленькій, весь бѣлый, она только слѣдила за нимъ, притворяясь спящей, но ничего не говорила, не укладывала, не притавала къ нему.

И молчаніе жутко и торжественно сгущалось въ ихъ домикѣ, точно входили первые волны вѣчной тишины.

Стоило Полину Григорьевну пошевелиться, чтобы Иванъ Ивановичъ торопливо, какъ будто украдкой, спѣшилъ лечь. Но стоило ей закрыть глаза и притаиться, онъ опять подымался, тайно оглядываясь на нее, садился и начиналъ скоро-скоро шевелить провалившимся губами, точно жуя какую-то торопливую безконечную жвачку.

Только потомъ Полина Григорьевна догадалась, что онъ молится.

Это было такъ неожиданно и страшно, что ей показалось, будто весь міръ измѣнилъ свое лицо.

Сорокъ лѣтъ прожила она съ нимъ и никогда не видала, чтобы Иванъ Ивановичъ молился. Никогда онъ не ходилъ въ церковь, смѣялся надъ религіей, издѣвался надъ священниками, писалъ о Церкви съ разъѣдающимъ сарказмомъ. Когда то она, неумная, религіозная женщина, даже пугалась его выходокъ противъ Бога и религіи, думала, что Богъ накажетъ, и спорила съ нимъ. Но потомъ привыкла, сама утратила остроту вѣры, подчиняясь его влиянію, и религія, съ ея церквями, крестами и моленіями, отошла отъ ихъ жизни, какъ чужая нелѣпая забава, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла.

И когда она сама бывала больна, когда умирали близкіе люди или знаменитые друзья стараго профессора, даже теперь, когда началось это ужасное медленное умираніе, никому и въ голову не приходило призывать Ивана Ивановича, съ его тонкимъ и трезвымъ умомъ, къ вопросу о молитвѣ, загробной жизни и Богѣ.

Но теперь это былъ другой человекъ. Какой-то маленькій и сухонькій старичокъ, въ одномъ бѣльѣ, сидѣлъ на кровати Ивана Ивановича и въ тишинѣ ночи, такъ, чтобы не видѣла ни одна живая душа, наединѣ со своими непонятыми мыслями, молился Богу.

И Полина Григорьевна видѣла однажды, какъ онъ оглянулся кругомъ и тайкомъ, торопливо, пугаясь въ движеніяхъ, перекрестился. Перекрестился разъ, подумалъ и перекрестился опять. И какъ бы уразумѣвъ что-то, началъ часто-часто креститься, крѣпко прижимая ко лбу, груди и плечамъ дрожащія

косточки мертвыхъ рукъ. Губы его шевелились, голова тряслась, и Полина Григорьевна услышала торопливый тайный шопоть.

— Господи, помилуй меня по велицѣй милости Твоей... Господи, помилуй меня..

Должно быть, онъ ничего больше не могъ вспомнить, ослабѣвшая мысль съ безпомощными усиліями старалась вызвать изъ тьмы прошлаго утерянную памятью слова наивныхъ и горячихъ молитвъ дѣтства. Но они забылись, умерли. Съ тоской, съ дряхлыми, безсильными слезами Иванъ Ивановичъ повторялъ все одни и тѣ же слова.

— Господи, помилуй меня по велицѣй милости Твоей!...

На другой день она ничего не сказала ему. Какаѣ-то странная тайна, которой не смѣла коснуться чужая рука, чувствовалась въ этихъ ночныхъ молитвахъ. Ужасъ овладѣлъ ею, и она только робко поглядывала на него.

Ночью же, за два дня до смерти, повторилось то же самое, но съ силой страшной, непонятной.

Тускло горѣла лампа, давно уже не тушившаяся по ночамъ. Тьма стояла въ сосѣднихъ комнатахъ и, казалось, смотрѣла оттуда жуткими, подстерегающими глазами. Полина Григорьевна тихо притаилась подъ одѣяломъ.

Часа два Иванъ Ивановичъ лежалъ совершенно неподвижно лицомъ вверхъ, глубоко вдавивъ въ подушку свою тяжелую голову и вытянувъ по-верхъ одѣяла кости мертвыхъ рукъ.

Страшно и угловато рисовалось подъ одѣяломъ его длинное, тонкое тѣло съ провалившимся животомъ и приподнятыми острыми колѣнами. Спалъ онъ или думалъ, она не могла понять, но чувствовала, какъ что-то приближается и растетъ, наполняетъ комнату и давить грудь. Полина Григорьевна замирала отъ страха, не смѣя шевельнуться. Бакой-то холодъ ползъ по ея ногамъ, подходилъ къ сердцу, сжималъ его и длинными холодными пальцами касался мозга. Ей хотѣлось кричать, позвать Ивана Ивановича, но слова гасли въ горлѣ и только сердце колотилось съ изступленной быстротой.

Вдругъ Иванъ Ивановичъ шевельнулся. Тихо, какъ изъ гроба, поднялась дрожащая сѣдая голова и повернулась къ Полины Григорьевны тусклыми, мертвыми глазами.

Повернулась и замерла. Лампа прямо освѣщала его, и дико было лицо мертвеца, встающаго изъ могилы, съ тусклыми, но живыми, какъ будто хитрыми и злыми глазами.

Полина Григорьевна не шевелилась, но чувствовала, какъ волосы тронулись на ея головѣ и мурашки побѣжали по тѣлу, вдругъ ставшему потнымъ и липкимъ.

Долго и неподвижно смотрѣлъ Иванъ Ивановичъ. Чутко сторожила тишина каждую минуту, и озадалось, что имъ нѣтъ конца. Потомъ онъ тихо отвернулся. Какъ голова воскового чучела, медленно повернулась его обѣдая, заросшая сѣдой щетиной голова, и онъ поднялся на кровати. Поднялся и опять замеръ, прислушивался. Все было тихо, только звенѣло и пѣло что-то въ ушахъ. Полинѣ Григорьевнѣ казалось, что она сойдетъ съ ума, но не было силъ пошевелиться, позвать его, крикнуть.

Тогда Иванъ Ивановичъ съ страшнымъ усиленіемъ приподнялъ и спустил съ кровати тонкія, костлявыя ноги съ синими суставами и желтыми обмершими пальцами. На тоненькомъ костякѣ, смѣшно и страшно облеченномъ въ бѣлое бѣлье, съ его тесмочками и пуговками, казалась громадной мертвая голова.

Онъ что-то дѣлалъ со своими ногами и не могъ

Упирался руками въ кровать, качалъ головой, дрожалъ и падалъ. Наконецъ, нашелъ полъ, укрѣпился и сталъ подыматься. И тутъ Полина Григорьевна увидѣла, куда онъ смотритъ: въ углу, давно забытая, но оставленная въ память прошлаго, висѣла икона и лампадка предъ нею, зеленого граненаго стекла, никогда не зажигавшаяся. Полина Григорьевна знала, что внутри тамъ пыль и дохлая муха.

Иванъ Ивановичъ сталъ во весь ростъ на дрожащихъ, подгибающихся ногахъ, еще разъ оглянувшись на кровать жены, хотѣлъ опуститься на колѣни, но не сдержался и тяжело рухнулъ внизъ, рухнулъ и замеръ, ухватившись костлявыми пальцами за тулъ.

Та же тайная сила удержала крикъ въ горлѣ Полины Григорьевны. И почему-то, точно почувствовавъ, что никто не долженъ видѣть этого, она крѣпко закрыла глаза.

Иванъ Ивановичъ тихо пошевелился. Станный костяной стукъ долетѣлъ до ея ушей, но она не оняла его. И вдругъ страстный, полубезумный шопоть раздался въ комнатѣ:

— Отче нашъ, иже еси на небеси... да святится имя Твое, да прійдетъ царствіе Твое, яко на небеси и на земли... хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь и остави намъ долги наша, яко же и мы... оставляемъ должникамъ нашимъ... во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Господи помилуй меня по величій милости Твоей... оставь мнѣ долги мои... помилуй, Господи, помилуй... помилуй меня.

Дико и страшно зычали эти слова и страшной силой неизбывной муки, непереносимымъ страданіемъ звучалъ старческой срывающійся шопоть.

И опять долетѣлъ странный костяной ударъ. Полина Григорьевна открыла глаза, но за слезами ничего не могла разобрать, кромѣ расцѣлвчатого бѣлаго пятна на полу.

Иванъ Ивановичъ молчалъ. Бѣлое пятно шевелилось, странно выгибаясь, и какъ бы стараясь ползти, но ни одного звука не было слышно. Полина Григорьевна сама не замѣчала, что уже не лежитъ, а сидитъ на кровати, съ широко открытыми глазами, распутившимися сѣдыми волосами и протянутыми руками.

Послышался опять слабый костяной стукъ, потомъ онъ повторился. Казалось, Иванъ Ивановичъ часто-часто, неровно кладетъ поклоны и стучается лбомъ о полъ. Немного былъ тихо, и опять онъ ударился черепомъ о полъ сильно и гудю, и тогда застоналъ. Въ одно мгновеніе, съ ясностью молніи, Полина Григорьевна поняла, наконецъ, что онъ старается подняться, не можетъ и ерзаетъ по полу, колотясь головой о доски, въ тщетныхъ скользящихъ усиліяхъ.

Съ отчаяннымъ крикомъ она бросилась къ нему, охватила, подняла и посадила на кровать съ невѣдомой ей силой. Иванъ Ивановичъ растерянно бормоталъ что-то, шевелилъ руками и смотрѣлъ на нее жалкими, вяноватыми глазами.

— А я, видишь... помолиться хотѣлъ... Такъ, шутя... давно не молился... думалъ попробовать...—бормоталъ онъ, и голова его тряслась. Ему было мучительно стыдно, но прежняя гордость яснаго и сильнаго ума уже пала и растаяла въ немъ. Малъ и слабъ былъ его духъ. И, какъ маленькій ребенокъ, онъ плакалъ, прижавшись къ женѣ, точно ища у нея защиты.

— Страшно мнѣ... Страшно, Полечка... умираю я...—бормоталъ онъ.

Они сидѣли рядомъ на кровати и оба плакали старческими безсильными слезами. Оба маленькіе, сѣдые, въ бѣломъ бѣльѣ. И вдругъ горячая волна надежды радостнымъ свѣтомъ озарила ее.

— Знаешь... позовемъ мы завтра чудотворную икону... отслужимъ молебентъ... Богъ дастъ, ты поправишься...—говорила она и ласкала его по облѣзлой трясущейся головѣ вѣжными, любящими, жалѣющими пальцами.

И на другой день съ утра ихъ домъ наполнился свѣтлымъ ожиданіемъ.

Вымыли и вычистили комнаты, приодѣли Ивана Ивановича въ новый сюртукъ и ждали съ трепетомъ и робкой надеждой.

И когда икона, темная, суровая икона древности, водрузилась на бѣлой скатерти, зажгли предъ нею трепетныя свѣчи, мѣстный священникъ, облаченный въ свѣтлую эпитрахиль, сталъ читать и пѣть, Иванъ Ивановичъ спозвѣлъ кресла на колѣни и заплакалъ.

Солнце свѣтило въ окна и золотомъ свѣта, радостнымъ и милымъ, наполнило все углы комнаты. Гулко звенѣли голоса церковнаго причта, тихо вился дымокъ кадильный. И въ свѣтъ, дыму и сіянію чернѣла икона съ суровымъ, безрадостнымъ ликомъ, почернѣлымъ отъ времени.

Плакала Полина Григорьевна, плакалъ Иванъ Ивановичъ, и была радость и надежда въ ихъ свѣтлыхъ слезахъ. Какъ будто только теперь все поняли, что нѣтъ иной надежды, что нѣтъ иной защиты, кромѣ той свѣтлой и всемогущей силы, которая откуда-то изъ сіянія великаго солнца, изъ глубыхъ высотъ тихо сходила къ лику черной иконы.

Иванъ Ивановичъ, широко раскрывъ слезящіяся глаза, смотрѣлъ снизу на темный ликъ, и слезы ручьями текли по морщинамъ его страшной, мертвой маски. Всю послѣднюю силу своей догорающей жизни, весь ужасъ и всю тоску послѣднихъ темныхъ ночей выливалъ онъ въ этомъ безмолвномъ молящемъ взглядѣ. Никакая сила не оторвала бы его въ эту минуту отъ чернаго, страннаго пятна на снѣжно-бѣлой скатерти.

И когда голоса священниковъ, фальшиво переплетаясь и дребезжа въ странной мелодіи, наполняли комнату, слезы быстрѣе бѣжали по щекамъ Ивана Ивановича.

Въ эту минуту онъ отказывался отъ всей своей жизни, отъ своего гордаго ума, отъ науки, опыта и дерзости разума, обманувшихъ его. И въ скорбно—свѣтломъ смиреніи, безъ словъ, одними слезами онъ просилъ эту невѣдомую силу пощадить его, спасти и помиловать.

Икону увезли.. Синеватый дымокъ еще вился и тоненькой перекрученной струйкой тянулся въ открытую форточку.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ, чистенькій, бѣленькій. Губы его дрожали, но въ слезящихся глазкахъ былъ свѣтъ напряженной дѣтски-чистой вѣры. И все его старенькое личико свѣтилось внутреннимъ свѣтомъ. Солнце добралось до его головы и, благословляющимъ свѣтомъ грѣя и лаская, освѣтило его. Онъ радостно улыбаясь, смотрѣлъ на Полину Григорьевну и дочь Лиду, точно первый разъ увидѣлъ ихъ.

— Ну, вотъ и слава Богу... Теперь ты поправишься... ласково, какъ ребенку-имениннику, говорила старушка и брала его за худыя руки, лаская ихъ, вся свѣтлая отъ надежды и любви.

Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее свѣтлыми глазами и улыбался, а на щекахъ его еще дрожали прозрачныя чисто дѣтскія слезы. Весь онъ былъ свѣтлый, точно свѣтился изнутри.

Потомъ онъ утомился и просился лечь. Заснулъ и больше не просыпался...

Такъ скончался старый профессоръ“.

А Р А В Е С К И.

Плачь пастыря.

Подъ чьимъ гнетомъ только ни находилось наше униженное и оскорбленное, многострадальное и безправное духовенство?

Кто только насъ ни оскорблялъ за пятачокъ? Мы, пастыри церкви, строители Тайны Божіихъ (1 Кор. 4, 1), поставленные визать и рѣшить грѣхи человѣковъ,—должны вѣчно ходить съ протянутой рукой, принуждены вѣчно кормиться милостыней,—ради Христа, милостыней, которую часто подаютъ намъ не добровольно, а съ оговоркой, съ упрекомъ, иногда съ насмѣшкой!

Если бы спросили насъ, какимъ способомъ мы добываемъ себѣ средства къ жизни? Намъ пришлось бы просто отвѣтить: „мы — нищіе“.

Но наше положеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—плоше нищаго.

Нищій—свободный гражданинъ. Его приходъ никѣмъ и ничѣмъ не ограниченъ. Онъ имѣетъ право не ходить за милостыней къ дурному хозяину, а мы вынуждены идти въ домъ къ своему обидчику, должны просить хлѣба у своего врага!

Граждане! Кто изъ васъ согласенъ испытывать такое униженіе? Граждане! Вы всё хорошо знаете, какъ горекъ хлѣбъ оговоренный, полученный изъ рукъ недобраго человѣка.

Можетъ ли быть что-либо тяжелѣе для пастыря?

— Велѣдствіе нашего нищенства, мы не получаемъ должнаго уваженія отъ прихожанъ; наоборотъ, видимъ неуваженіе къ намъ и озлобленіе.

— Велѣдствіе нашего нищенства, дѣти наши бѣгутъ изъ духовнаго званія.

— Велѣдствіе нашего нищенства, мы ни въ церкви, ни въ обществѣ не можемъ обличать пороки богача, кулака, міроѣда.

Наоборотъ, такимъ тузамъ приходится кланяться.

Иначе онъ не дастъ намъ и нашему причту и семейству не дастъ хлѣба и подговорить другихъ не давать...

— Велѣдствіе нашего нищенства, мы лишены возможности помочь прихожанину въ бѣдѣ и горѣ, утѣшить его. Наоборотъ. Умеръ у бѣдняка самый дорогой членъ семьи, послѣдній кормилецъ. Отпѣваемъ въ церкви покойника. Нѣтъ словъ описать горе и слезы семьи. И пастыря, ангелы церкви (Апок. 2, 1, 8), апостолы мира и любви, вмѣсто помощи и утѣшенія, и здѣсь принуждены оправдывать пословицу: „драть и съ мертваго“. Такъ, наше положеніе даже плоше нищаго. Кромѣ того, нищій самъ себѣ выбираетъ приходъ, а сейчасъ приходъ будетъ выбирать себѣ пастыря.

Правда, много льготъ и свободъ намъ дано новымъ правительствомъ. Но во что обратятся эти льготы, если будетъ отдѣленіе церкви отъ государства.

Что съ нами будетъ, когда неинтеллигентному гражданину вздумается по своему вкусу подобрать себѣ пастыря?

Не придется ли намъ чаще странствовать изъ прихода въ приходъ?

Куда дѣваться тогда людямъ старымъ, слабымъ, малорослымъ, безголо-
сымъ и т. п.? Увы! Горе пастырю, отданному въ руки толпы!

Чтобы избѣжать пастырю униженія, чтобы прекратить наше нищенство, позорящее насъ, наше Правительство и всю Россію,—конечно, необходимо духовенство обезпечить.

Вполнѣ надѣмся, что Церковный Соборъ изъ духовенства и мірянъ войдетъ въ настоящее положеніе нашего православнаго духовенства и избавитъ его отъ тяжелой обязанности нищенствовать и просить Христа ради.

Свящ. В. Миролюбовъ.

Обращеніе къ русскому духовенству.

(Сто мѣствъ въ Учредительномъ Собраніи Православному Духовенству).

Частное Пастырское Собраніе группы священниковъ Самарской епарх., бывшее 18-го мая с. г. въ с. Шешминской Крѣпости, постановило обратиться ко всему Православно-Русскому Духовенству со слѣдующимъ предложеніемъ:

Событія послѣдняго времени показали, что вліяніе духовенства на народъ огромно. Новое Правительство укрѣпилось въ деревнѣ исключительно благодаря призванію его духовенствомъ, которому не было основаній вызывать контр-революціи. Частная и служебная дѣятельность пастыря была связана рядомъ устарѣвшихъ и ненужныхъ формальностей, которыя помогали власти держать его въ ежевыхъ рукавицахъ. Одиѣ ухищренія при совершеніи браковъ стояли намъ потери дружбы прихожанъ, не говоря уже о вынужденной близости къ полиціи, путемъ письменнаго представленія ей разнаго рода статистическихъ свѣдѣній, что не могло насъ не компрометировать въ глазахъ темнаго народа, видѣвшаго въ „пакетахъ“ къ полиціи доноситељство. Быть можетъ, это обстоятельство помогало скрываться немногимъ провокаторамъ-шпіонамъ изъ духовенства, состоявшимъ на жалованьи въ охранкѣ; кстати, имена этихъ предателей должны быть немедленно опубликованы по спискамъ Петроградскаго Департамента Полиціи, и лица, опозорившія сословіе, должны быть высланы изъ Россіи; но для всего сословія культивируемая искусственно близость къ полиціи явилась грязнымъ клеймомъ. Немногіе эксцессы по отношенію къ духовенству, въ первые дни свободы были большею частью *личною мстью* со стороны шинварей, хулигановъ и *низшихъ членовъ клира*, желавшихъ „сшибить поповъ“ съ тѣмъ, чтобы занять самимъ ихъ мѣста, вырвавъ въ суматохѣ себѣ у разныхъ деревенскихъ „Комитетовъ общественнаго спасенія“, при помощи водочныхъ суррогатовъ, „одобрительные приговора“. 50.000 армія священниковъ настолько еще сильна, что къ ней Государство будетъ такъ

же прислушиваться, какъ къ голосу пастыря прислушивается приходъ. Отъ всякой власти, рѣшившей идти иначе, останется одно воспоминаніе. Мы желаемъ воли и счастья себѣ и Родинѣ не менѣе всякаго другого „товарища“. Враги свободы прекрасно учитывали роль религіи. Слабость (временная) духовенства въ его разобщенности. Товарищи, объединяйтесь вокругъ столичнаго и Думскаго Духовенства. Образуйте мощный прогрессивно-беспартійный Союзъ, для проведенія въ Учредительное Собраніе честнѣйшихъ людей сословія, имѣющихъ прогрессивно-честную репутацію, и лицъ свѣтскаго общества. Отложивъ всякія личныя чаянія, честно отдадимъ свои голоса и посоветуемъ отдать голоса милліонамъ нашихъ *вѣрныхъ* пасомыхъ за тѣхъ людей, которыхъ намѣтятъ Всероссийскій Пастырскій Союзъ въ Учредительное Собраніе. Теперь же намѣчайте, братья-пастыри, своихъ кандидатовъ по Епархіямъ. Установимъ достойныхъ кандидатовъ, чтобы дружно вознести избранныхъ отъ людей своихъ въ день оный...

Отъ буржуевъ житья не стало.

Все буржуи забрали въ руки, повернуться негдѣ, а отъ нихъ, извѣстно: и контръ-революція, и война, и дороговизна, и недостатокъ провіантовъ разныхъ. Все отъ нихъ. Вотъ, урожай плоховать, кто знаетъ, можетъ и холера будетъ, и чума, и сибирская язва.

Прежде говорили: все отъ Бога, теперь достовѣрно стало извѣстно—отъ буржуевъ.

Я даже такъ думаю, что у лошадей сапъ или у коровъ ящуръ—не иначе какъ отъ буржуевъ. И ежели скажемъ, архангелъ второе происшествіе объявить,—и тутъ дѣло буржуевъ. Извѣстно; имъ все выгодно.

И этихъ буржуевъ стало столь много, что не приведи Богъ. Ежели примѣрно, скажемъ въ Россіи всего населенія наберется 180 милліоновъ, то буржуевъ безпремѣнно будетъ не меньше 181-го. Это мы въ газетѣ „Правда“ читали, и отъ достовѣрныхъ людей слышали.

Теперь, говорятъ, Россія погибаетъ. Не диво. Буржуи до всего доведутъ. И ежели Россію спасать, то надо прежде всѣхъ буржуевъ изничтожить.

Вотъ только какъ этого самаго буржуя узнать?

Мы всѣ ихъ примѣты теперь достовѣрно знаемъ. Одинъ дошлый человекъ все объяснилъ.

Первое дѣло буржуевъ мы по штанамъ узнаемъ. Ежели на тебѣ штаны новые, суконные, да еще ихъ по сапогу выпускаешь,—стой, братъ: буржуй. Но и тутъ надо не торопясь, а съ разумомъ дѣло разбирать. Ежели эти штаны у тебя, скажемъ, краденые,—не безпокойся, милый человекъ, буржуи—тѣ, которые всегда въ своихъ ходятъ.

Тоже самое, сапоги, спинжакъ. Ежели новое, да еще самъ запасъ,— буржуй. Ну, ежели часомъ и это ты промыслилъ изъ чужого запаса—подарѣніе съ тебя снято.

Вотъ тоже въ арміи. Кажись бы все подѣ одной шинелью, а есть тоже которые буржуи, которые нѣтъ. Мы такъ разбираемъ: который ежели всегда (безъ пояса, или фуражка на затылокъ повѣшена, — это не буржуй. На этихъ дняхъ одинъ по самой большой улицѣ идетъ въ однихъ помочахъ: забралъ южную рубаху въ штаны, помочи крестъ—на крестъ, форменную фуражку на затылокъ и айда на прогулку. Вотъ эдакій нашъ. будетъ. Ну, а тѣ, которые ежели всегда при поясѣ и тоже чистоту гимнастерки соблюдаютъ,—это не нашего поля: буржуи. Въ бары лѣзутъ.

Вотъ тоже по грамотѣ можно сразу человѣка разобрать. Ежели кто кривляется, да все говорить: „вашъ я,“ да „товарищъ“,—поднеси ты ему книгу, заставь прочитать или бумагу подсунь—пусть напишетъ.— Читаетъ глестко, въ письмѣ гораздѣ—крышка, братъ: буржуй. А ежели кто въ университетѣхъ учился, этому никакой вѣры...

Это при старомъ правительствѣ все хотѣли грамотѣ учить, тоже школы строили,—не зря дѣло дѣлали, вишь хотѣли людей обучить, буржуями сдѣлать, нашу кровь пить.

Это теперь стали понимать. На фронтѣ офицера школы выдумали, солдатъ учить... Сперва, было, пошли которые попроще. Но умные люди разъяснили: скоро бросили. Въ газетѣ читаль, въ иныхъ школахъ только по одному—два солдата осталось. Ну, за то эдакимъ и проходу нѣтъ. Одно слово: „На офицера учится, буржуй проклятый“.

Скоро этой самой грамотѣ, сказываютъ, капуть будетъ. Буржуазныя науки. Дѣло и безъ нихъ понимать можно. Это прежде, когда законовъ было много, вѣрно, нужна была грамота, потому этотъ самый законъ нужно было читать, или прошенія писать. А теперь свобода: законовъ нѣтъ, прошенія писать некому. Газету читать—тоже пустое дѣло. Бросать и эту затѣю стали.

Ну вотъ тоже, ежели служить кто, или жалованье получаетъ—непремѣнно буржуй. Скажемъ, докторъ, учитель или кто другой —все буржуи на нашей шеѣ сидятъ.

Примѣрно, учитель: какая у него работа? А жалованье получаетъ двадцать пять, а то и тридцать руб. въ мѣсяцъ. „Мы, говоритъ, головой работаемъ“... Велика штука: головой; нѣтъ ты руками поработай—другое дѣло. Головой—просто: сиди въ стулѣ: и тебѣ тепло, и тебѣ вольготно,—и за эту-то работу дай тридцать рублей въ мѣсяцъ, а я руками работаю и за все про все получаю двѣнадцать рублей въ день.

Вотъ тоже докторъ—ну какая его работа!... Стукъ, стукъ —постучить: у васъ, говоритъ въ грудяхъ простуда есть. Самы мы это знаемъ. А то, говоритъ, вамъ легкая пища нужна. Тоже!—а ежели я желаю кислушки или натурального спирта—какъ это!... Свои деньги плачу.

Вотъ къ примѣру: сторожъ въ больницѣ,—статья другая. Сторожу это надо и полы вымести и все прибрать—(теперь таки небольшо стали прибрать-то, поняли, что не сторожей это дѣло); иной разъ больного привезутъ сторожъ-то за шиворотъ его сколь мѣста волокетъ и весь тебѣ день на ногахъ, а докторъ.—позвольте, говорить, пульсъ, да часы въ руки, или сколь-ко вамъ, говорить, лѣтъ, не пьете-ли говорить самогонки, или чего спиртного?

Вотъ, говорятъ, въ одной больницѣ сторожу на собраніи 100 рублей въ мѣсяцъ положили, а доктору жалованья сбавили. Справедливые люди: развѣ можно работу сторожа съ докторомъ равнять?

Есть-таки другіе буржуи, долго не распознаешь. И нашимъ дѣломъ занимаются и по нашему живутъ. И головой тоже не работаютъ. А ежели и къ этому съ умомъ подойти,—гляди — буржуя найдешь. Ты спроси его: жалеешь-ли ты, молъ, во всемъ, какъ мы, и такъ чтобы не разсуждать и чтобы все наше и долой буржуазію, и ежели онъ замнется, да скажетъ: смотря по тому какъ, значить головой работаетъ; буржуй.

Вотъ тоже насчетъ грамотныхъ надо взять на подозрѣніе. Живымъ манеромъ къ буржуямъ перейдутъ. Тамъ сейчасъ читать—писать: ненадежное дѣло. На выборахъ, который ежели будетъ почище—въ сторону; интеллигенцію — долой.

А остальныхъ прочихъ—можно добрымъ чередомъ распросить: эй, Сеифанъ Карповъ! Неграмотный? Айда, миляга, въ земство; въ управу проведемъ. Михаилъ Семеновъ! Тоже неграмотный? Айда и ты. Иванъ Петровъ! Грамотный? Эхъ срамота,—обожди, братъ. У насъ и неграмотныхъ хватить.

Но жалаемъ, которые головой работаютъ.

В. Ж.

Редакторъ Н. Колосовъ.

Содержаніе. 1) Отъ Редакціи.—2) Подожди (стихотвореніе).—3) Къ моменту.—4) Преждевременная мысль.—5) Вѣлая гора.—6) Изъ книгъ: «Давай, Катя, завтракать».—7) Изъ литературы: Умеръ или ожилъ? 8) Арабски: Плачь пастыря Обращеніе къ русскому духовенству. Отъ буржуевъ житья не стало.

Пермь. Типо-Лит. Губ. Правленія.